

Приложение любого термина, характеризующего стиль («барокко», «классицизм», «романтизм», «реализм» и т. д.) в какой-либо литературе, с необходимостью ставит вопросы: а) каково происхождение данного стиля (направления, школы) в данной литературе; б) как соотносится он с национальными литературными традициями; в) в чем его сходство и отличие от аналогичных явлений в литературах, с которыми данная литература имеет или имела в тот или иной период близкие связи.

Попытки найти общие черты, характерные для «барокко» во всех славянских литературах, оказались безрезультатными. Даже самый яркий пропагандист идеи «славянского барокко» Д. И. Чижевский пришел в своей недавней работе «Славяноведческие исследования барокко» к пессимистическому выводу о том, что «время для синтеза наших познаний о славянской „барочной“ поэзии еще не настало, и придет оно не в слишком близком будущем»².

Ряд славянских литератур (белорусская, болгарская, сербская) не знали «барокко». То, что называют «барокко» в русской литературе — Симеон Полоцкий, Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Ржевский, В. Петров — представляет настолько различные по своему содержанию и характеру явления, что только под гипнозом предвзвтой идеи можно считать этих авторов принадлежащими к одному литературному стилю.

О «литературном барокко» можно говорить с полным основанием применительно к далматинской и хорватской литературам. Значительно осторожнее должны быть суждения о «барокко» в польской и чешской литературах. Сомнительно, объясняет ли термин «барокко» всю сложность явлений украинской литературы XVII—XVIII вв. То, в чем предлагают видеть «русское барокко», правильнее понимать как переход от старинных средневековых стилей русской литературы к классицизму XVIII в. Вместо неопределенного по своему содержанию термина «барокко» проще называть это направление «предклассицизм».

Сомневаясь, будет ли достигнуто согласие в понимании существа «барокко» в литературе вообще, а без этого нельзя решить вопрос, была ли так называемая «литература барокко» в славянских странах.

И. Н. Голенщев-Кутузов

(Москва)

Термин «барокко», охватывающий всю или часть европейской литературы от конца XVI до начала XVIII в., заимствован у искусствоведов. Он получил широкое распространение между двумя мировыми войнами и в настоящее время на Западе почти вытеснил другие термины. Если в старых историях чешской литературы (Якубец, Влчек) не говорится об эпохе «барокко», то у современных литературоведов Чехословакии рассматриваемый термин стал общепринятым (Ф. Вольман, Ю. Доланский, Р. Бртань, К. Крейчи и др.). Он окончательно восторжествовал в литературоведении Польши и постепенно проник в Югославию (Драголюб Павлович называет XVII—XVIII вв. Дубровника: «Барокко и Аркадия»).

Смысл и происхождение почерпнутого из схоластической логики слова «барокко» известны. Эпитет «барочный» употреблялся долго с презрительным оттенком. Реабилитацией «барокко», как художественного направления, занялись искусствоведы XX в. Нам кажется, что распространение термина «барокко» на литературу, музыку, театр XVII в. в новейшей культурной истории было вызвано стремлением охватить «дух эпохи» во всех его проявлениях, а также необходимостью объединить сходные и родственные направления в литературе: маринизм, кончеттизм в Италии, концептизм, гонгоризм, культуранизм в Испании, эвфуизм в Англии (явление еще XVI в.), прециозность во Франции. Если подвергнуть анализу теории и творческий метод участников этих течений, обнаруживается с достаточной ясностью общность их поэтики, приемов и вкусов. Бросается в глаза связь поэтов и теоретиков литературы XVII в. с принципами современного им искусства в различных его проявлениях (архитектура, живопись, скульптура, музыка, театр). Эти наблюдения оправдывают наименование всего культурного периода (конец XVI—начало XVIII в.) «эпохой барокко». Все же необходима существенная поправка: в середине XVII в. во Франции развивается враждебная течению «барокко», противоположная по вкусам школа — французский классицизм, который — вместе с его итальянской разновидностью «Аркадией» — в XVIII в. победил и вытеснил из Европы поэтику своих предшественников. Поэтому XVII век для Западной Европы нельзя охватить термином «барокко», правильнее было бы сказать: век «барокко» и «классицизма».

Начало стиля «барокко» в европейской литературе следует искать не в Италии, а в Испании. Испанское влияние сначала в южной (XV в.), а затем в средней и северной Италии (XVI—XVII вв.) было очень сильно благодаря политической гегемонии арагонских, затем испанских королей. Приподнятость речи, гиперболы, смелые метафоры, изысканность, граничащая с жеманством, из придворных кругов Барселоны и Мадрида проникли через Неаполь в Италию. Еще в середине XV в. этот речевой эпистолярный стиль отразился в поэзии каталонца по происхождению Картео. Похвалу метафоре, переходящей в *concelto*, встречаем в XVI в. у Кастильоне. С испанским маньеризмом боролся Бембо, стремившийся очистить и реформировать итальянский литературный

² D. Tschizewski. Die slavistische Barockforschung. Die Welt der Slaven, Jahrg. I, 1956, H. 4, S. 445.